

Игорь Муханов

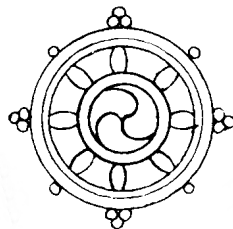
Командировка на Землю

Стихотворения
эссе

Игорь Муханов

Командировка на Землю

*Стихотворения
Эпифании*

Алтай
2015

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
М 92

*В оформлении обложки
использована картина Е. Войновой*

Художественный редактор – Алёна Цами

М 92 Муханов И. Командировка на землю.

Стихотворения, проза. – Бийск. Издательский
дом «Бия». – 2015 г. – 149 с.

*В новую книгу Игоря Муханова вошли стихотворе-
ния последних лет, а также эпифании – новый жанр в
русскоязычной литературе.*

@ Муханов Игорь

Командировка на Землю

И фотон испускает, и фыркает, навеселе...

Дождь раздул пузыри на отеческих лужах
и ушёл в никуда – есть такие места на земле!
На полатях у облака дума лежит и не тужит,
и фотон испускает, и фыркает, навеселе.
Послебанная всюду возня, закипание звука.
Сколько в этом любви, знают только дорога и рожь.
И шалит синева, запуская прозрачную руку
в полусонную речку, где плавают щука и ёрш.

Я иду по отчизне, читая особые книжки:
медуницу и клевер в издание лугов и полей.
Я ещё не рождён, я в утробе пространства – мальчишка,
что с утра мастерит из газеты воздушный свой змей.
Вот, прочёл 100 дорог – на 101-й оставил закладку
(дочитаю потом, ещё целая жизнь впереди!)
И щебечет стихом, затаившись под майкой, тетрадка,
и летят, как жуки золотые, над миром дожди.

Хариус в полдень

Стоит обнаружиться букашке,
полюбившей кружево теней –
мнёт тугую воду как бумажку
хариус, блеснув среди камней.

А была отмечена свеченьем,
бирюзовой нежностью река,
постигая Вечности значение,
отражая в небе облака!

Но волна плеснула – как из фляги
окатила гальку и песок,
и опять глядит из-под коряги
хариуса пристальный зрачок.

Жук скользит ли, ползает улитка –
тень им, как прибежище, дана.
Шевелит усами повилики
у кустов малины тишина.

Где-то вдалеке пасутся грозы
и уснул усталый ветерок...
Гетры полосатые – стрекозы
новый провоцируют рывок.

Насельник зимний улетел, как птица...

* * *

У девок золотые горы – плечи,
с которых, как ладьи, плывут ладони,
и этот путь варягами отмечен,
как зимний, под домашнею звездою.
Цветут подушки васильками счастья,
на челобитной – крестики-расписки,
и от лучины тень бежит к распятью,
где Ангелу вручает страсти-иски.

Но лишь весна весло к ладье приладит
и плечи распрямит в льняной рубахе,
целительною песней о Царь-граде,
как плёткою, отгонит утро страхи.

Ушкуйничья свобода отзовётся
в пустых бутылках, как в органных трубах,
и мессой латинян со дна колодца
ударит прямо в сердце душегубу.

Шуршит утком некрашеным девица,
слёз – хватит на осенние засолы!
Насельник зимний улетел как птица
в края лихие, где живут монголы,
где горы высоки и дни речисты,
где доля не живая – ножевая,
где до утра звенит в реке монисто
княжны персидской, Стеньку призывая.

Поэту

Я выпустил твой стих из рук,
и он поплыл как шар воздушный
за Академию Наук,
за Крым, спасая наши души.

В нём, словно в ёмкости большой,
кипела жизнь с её заботой
всё, что считается золой,
лишить и званья, и работы.

Вмешаться в каждую строку,
которая огнями радуг
не освещает наверху
веками созданный порядок.

Твой стих в сознание клокотал
ещё не познанной свободой,
и всю вселенную вмещал:
её дворцы, её заводы.

Он был не жизнью, а её
удачной выдумкой, быть может,
которую как мумиё
дают, чтоб выглядеть моложе.

Твой стих задумчивый Байкал
учил пасти стада овечьи,
и всем бессмертье обещал,
кто принял облик человеческий.

Замельтешат муравьи по деревьям...

* * *

Замельтешат муравьи по деревьям:
Божья им пища – листва!
Веком забытый говор деревни
я различаю едва.
Разве за кружкой, за горькой разлукой,
за удивленьем «ты – Смерть?»
двери откроются... Прежние звуки
мне бы запомнить успеть!

«Эй, Аграфена, неси-ка балакирь:
кума лечи молоком...»
Зовы любви, добродушие знаки
в воздухе тают пустом.
«Челяди царской – волчьей ораве –

нужен осиновый кол...»
Это деревня в новом составе
прежний играет футбол.

Стирка у дома висит, и оконцу
луч уловить не с руки.
Мечет рубанок сосновое солнце –
стружки пахучи, легки.
Жаждой томима, к началу обеда
ива стучится в окно.
У самовара – живая беседа...
Звуками небо полно.

И Моцарт с Бахом... играют в шахматы...

* * *

Балакирь стеклотарой заменив,
гарцует век на цаце-жеребёнке,
прообраз же стоит себе в сторонке,
среди берёз, беспечен и игрив.
В его хвосте на тысячи ладов
звонят национальные оркестры,
и мошки запись делают в реестре:
«Ещё один смычок для вас готов!»

А где же скрипка? Вот она, внутри
футляра, под краснеющей корою,
колец-годов увлечена игрою,
ещё не знает лака и витрин!
Садись и слушай подлинник живой

без электронаушников и денег.
Её первичный звук звенит, как Терек,
как воздух леса раннею весной.

Прообразы сверкают изнутри,
впадая в мир прозрачною рекою.
«Стеклянный шар покоя над покоем»,
как Хлебников когда-то говорил.
И от берёзы голубая тень
примеривает плед из паутины,
и Моцарт с Бахом – редкая картина! –
на пне играют в шахматы весь день.

Миры пересекаются, кружат...

* * *

Крылатый ангел, с виду – стрекоза –
повис над лугом в середине лета,
рисуя бликом и игрою света
на листьях удивлённые глаза.

Прозрачный шорох падает в траву
и скачет, как античная квадрига.
То баловень росы и певчий мига –
кузнечик ищет новую жену.

Тут все живут, не требуя числа,
как ритмы, уходящие в былое.
И будущее дышит аналогом,
и радость жизни с общего стола.

Вот одуванчик, лета космонавт,
надел свой шлем и смотрит молчаливо
туда, где соловьиные приливы
из звуков создают иной ландшафт.

Миры пересекаются, кружат
в каком-то танце, схожем с новой верой.
Ионы влаги – утра пионеры –
затачивают иглы у ежа.

И если существует правота
у вектора ответного покоя,
она под утро тонкою рукою
по чашечкам цветочным разлита.

Весною

Я выверну карманы: «На!..
Нет ничего из пустословья,
когда за окнами луна
кладёт лучи мне в изголовье.

Когда ручьи бегут за мной,
как псы, голодные разлукой,
и пахнет зимняя – зимой
судьбой отпущенная мука.

«Лишь волхованье», – скажешь ты
и будешь прав, мой друг! Весною
мир полон лёгкой красоты
с её прозрачной глубиной.

Хмель – матрос сухогрузного лета...

* * *

Золотится у дома карета –
сколотили сарай в этот год!
Хмель – матрос сухогрузного лета –
по верёвке на крышу ползёт.
Повезёт ему веткой шершавой
до конька доползти или нет?
Я болею душой за державу,
у которой правительство – Свет.

Через месяц обнял, как сестрицу,
на пригреве чернявку-трубу...
В этом стареньком доме мне спится,
как царевне в хрустальном гробу.
Потому что смотрю я неловко,
утром выйдя, на твой огород,
потому что по лунной верёвке
хмель упрямый на небо ползёт.

Щочная гроза

(наброски к стихотворению)

Белою накипью полнится кадка
в старом саду, под жасмина кустом.
Молния – нить, золотая закладка
между загадочной ночью и днём.
Щель, сквозь которую чьи-то глазищи
зорко подглядывают, как артель
пьяных студентов идёт на кладбище
дух мертвеца вызывать на дуэль...

.....
.....

С чем бы грозу ни сравнить, – априори –
ложью окажется каждый подход,
ибо по небу, как катер по морю,
блеск поножовщины к югу плывёт.
Вот: завернул за кладбище и рощу,
сел, приподнялся на цыпочки, и –
огненный столб в своём горле полощет,
словно глоток золотого Аи!

Время – пружина, способная мышцы качать...

* * *

В жилах растений кровь ли, водяра течёт?
Главный бухгалтер у лета по штату кукушка.
К вечеру ближе выдаст вам точный отчёт:
сколько букашек съела за сутки лягушка?
Жёлудь в листве показался: лесной самовар
свежим залит молоком и густеет к июлю.
Дуб моей юности жив и коричневет, как мавр,
долю поэта принявший – дантесову пулю.

Ночью фонарики путь освещают домой –
в горы и выше, где конь мой любимый стреножен...
Хочешь, ложись с мертвецами в трёхтомник родной
оцепенелой поэмой, на зиму похожей.
Или в глазах-васильках продолжай летовать,
славить литовкою быт кропотливый, крестьянский...
Время – пружина, способная мышцы качать.
Лето – Офелия, ждущая Гамлета ласки.

Мы стали частью мыслящей лазури...

* * *

Пересвету

Мой мальчик, море молится волнами,
в движениях скрывающими бурю,
о том, чтоб рассекалось между нами
как можно меньше воздуха лазури.

О том, чтоб век поверил хлебосолу –
рассветной мгле, глотающей в июле
крамольные, летящие от мола,
сверкающие солнцем брызги-пули.

Идут, сутулясь, берегом песчаным,
как ополченцы, наши дни, недели,
и чайками – архатами причалов –
встречает их седая беспредельность.

Тропинки, пикники, и ночью – свечи
живою светотенью воздух метят,

чтоб каждая волна по-человечьи
смотреть могла бы, глаз имея третий.

А утром паруса в туманной дымке,
беременные ветром и мечтою,
тасуют, словно карты, неба снимки
и видят с удивленьем нас с тобою.

Отлитые из бронзы, соли, неба,
мы стали частью мыслящей лазури,
которая плывущим на потребу
молитвой успокаивает бури.

Посланные в мир за молоком...

* * *

Мало кто на родине нас ждёт:
лишь ольха да речка с камышами,
где мальков ловили малышами
и не знали азбуку забот.
Мало кто на родине нас ждёт.

Забываясь в утренней игре,
путали мы с куклами девчонок.
Солнца свежеструганный бочонок
плыл, качаясь, в жидком серебре.

И по светлым залам проходя,
дух тепла озвучивал берёзку,
а гроза казалась нам расчёской
для волос внезапного дождя.

И, живя, не ведали о том,
как в другую жизнь входили утром:
тонкие, прозрачные, как будто
посланные в мир за молоком...

Земной создатель ноосферы...

* * *

В тенётах счастья соловьиха
читает Фета наугад.
Стихи имеют вход и выход,
и окна в отдалённый сад,
в котором всё желает сбыться,
иметь длину и ширину...
О, эти радостные лица
у облаков и гроз в плену!

На атлантические жвалы,
на Колыму случайных строк
в России миллион сбежало
и отбывает жизни срок.

Не так проста задача эта:
в плену у мёбиуса дней
быть дворником ночного света
и сторожем речных огней.

А кто ушёл и кто вернётся
через миллениумы лет –
Кулибин, Тесла, Песталоцци –
не тот же труженик-поэт?
Держась за жизнь руками веры,
среди молекул-пузырей
земной создатель ноосферы
и ярких радуг Назорей.

И мы плывём подобно Ною
за лет привычный окоём.
Ведь кто-то должен быть страною,
лесною ягодой, дождём.
И тяжестью двойною мечен,
услышав будущего зов,
глядеть на мир глазами речек,
читая повесть берегов.

Время Весны

Слышу рабочие звуки на стройке природы,
прежде душе не знакомые, слышу с утра...
Словно бы сталь отливают в астрале заводы,
радуги-дуги спускают с небес трактора.
Словно бы в мире молекул с утра новоселье:
вирус раздора повержен, на свалку снесён!
Прочно ментала металлоконструкции сели
в гнёзда астрала – фундамента жидкий гудрон.

В небе Свобода парит, абсолютно нагая –
что ей зачтенье в святые, веселье утрат!
Грудь, как ядра, а торс – очертанья Синяя,
крылья с окраскою снега на землю глядят.
Строит весна, её прочные лёгкие блоки
в вечность уходят, качаясь среди облаков...

С ними меня перепутает бык одинокий,
в шкуру одетый цвета речных берегов.

Что ж я стою стрекозой удивлённою в небе,
крыльями строчек шурша над весельем весны?
Пусть и меня она пальцами радуги слепит,
даст раствориться в движениях плавных сосны.
В сырость оврага сошлёт, к муравьям приравняет...
Время весны – это лёгкий строительный рост,
свист хлорофилла, песня весёлого мая,
выдохи утренних, пахнущих клевером звёзд!

Борису Гребенщикову

*Ой, Волга, Волга-матушка, буддийская река
Б.Г.*

Лунным лучом ли, солнечным Волгу измерить –
Астрахань в астрах только счастливо вздохнёт!
Зори здесь чистые, и над лиманами пери
в платьях прозрачных водят все дни хоровод.
Здесь хорошо оттого, что и Русь есть, и дельта.
Утром, в тумане, теряет свой берег река.
Ветер-ревун, и безмолвие ровного света:
«Мир безграничен. Бакен не нужен. Пока!»

Вот потому только здесь, в камышовой ловушке,
словно маяк повседневный, рука из воды,
лотос растёт, и лягушки стараются: «Пушкин!
Греки, Арина... Распутица... Алаверды!»

Волга в верховьях мордовья, чувашья, в татарах,
после по-русски ревёт, по-калмыкски поёт.
Только в конце, побывав и в Кремле, и на нарах,
лотос буддийский вживляет в аорту болот.

Пой, мой оранжевый, северный мой, эти кручи,
эту лесную, в духмяной листве благодать.
Дождик пройдёт посевной и местами могучий –
нам ли колосья в мокрых полях собирать?
Вон, за пригорком, как синяя сильная птица,
Волга мелькнула, в изгибах тугих парусов...
Лотос – он логос, он гнёт жестяную ключицу,
песней-клюкою в сердце ночное стучится:
– Эй, просыпайся... Я – Волга без берегов!

Яблочный Спас

Алёне

Снова востоком любитесь запад, гладь на реке.
Я превращу тебя в розовый запах в этом стихе.

Неодолимое чувство свободы в каждом из нас.
Вяжет, как нить, эти долгие годы Яблочный Спас.

Мы не прощаемся. Мы из метелей, вёсен и снов
в мире построили всё, что хотели... Снова он – нов!

Кольцами радуги крепятся дали к небу теперь.
Мы завязали тесёмки сандалий... Вот она, дверь!

Стая оленей прозрачных несётся в каждом из нас,
и над тропой сияет, как солнце –

Яблочный Спас!

Вновь огурец в изумрудную кожу оделся...

* * *

Вновь огурец в изумрудную кожу оделся,
в шляпе-листочке – чем не цыган-конокрад?
Время лимонницы-бабочки, звонницы-детства,
время находок, и каждое стёклышко – клад.
Пух тополиный мчится-несётся куда-то
улицей пыльной, лета короткой зимой.
Доски заборные – в длинных шинелях солдаты –
честь отдают, лишь махнёшь им, бывало, рукой.

Кто в этом мире я есть? Только атом сознания,
доза рентгена, кольнувшая клетку лучом.
Как далеки от отдельности, непониманья
мысли в то утро, у века за старым плечом!
Птичкою быть, тягачом-большегрузом не в тягость

было в то утро, а то и смычком скрипача,
что извлекал из струны скандинавскую сагу,
как поднимала топор свой рука палача.

Словно икону, я створки сознания открою.
Жив ли тот мальчик? Жив, только в дерево врос!
Сверху покрылся мыслей светящихся роем,
снизу растаял, чтоб видели: дело – всерьёз!
Духу открылся, ведает жизни причину,
рифмы пасёт как афганских овечек стада,
и от вечерней звезды зажигает лучину
светлых прозрений, чтоб ими украсить года.

Пиши, любимая, пиши...

Иное время на ремнях за бурлаками вслед влачится,
а ты, любимая моя, сама себе и лёт, и птица.
Опять обмакнуто перо в чернила лёгкие восхода...
Пиши весенним ветерком земную повесть год от года!
О том, как в бурсе калачи пекут воскресным днём ребята,
и Гоголь плачет у печи, и рукопись огнём объята,
о том, как баба у плетня играет в переглядки с небом,
и снег ложится на поля, и в лучших душах много снега.

Не церемонься с палачом, пиши его со строчной буквы.
Но дети малые при чём? Но мать его за варкой брюквы?
Опять по небу облака плывут за Вологду, на север,
и ждёт Офелию река, и недоступен лучший сервер.
Пиши, любимая, пиши. Ты горечь лунную знавала?
Она, разлучница души, в стогу сегодня ночевала!
Поправь не платье на себе, а это небо в тучах грозных...
Переписать бы нам его, пока не поздно.

Стрекозы ночи

Когда хрустальным многоточьем
сверкает купол мирозданья,
ко мне летят стрекозы ночи
с большими умными глазами.
Стрекозы эти заказные –
их тиражируют умело
сады, наличники резные,
речные заводи и мели.

У лунных бликов в услуженье,
стрекозы ночи знают дело:
учить любви как вдохновенью,
пока в глазах не потемнело.
И по живому мирозданью
всю ночь летать шуршащим светом,
мечтой, неуловимым Дао
и на любой вопрос ответом.

Следы

Ты из прошлой жизни уходила,
как дымок прощается с трубой:
вся твоя неведомая сила
пожелала, видно, быть со мной.
Да и я с тобой стелюсь туманом
в чистом поле, где не спят стога.
Ты сырому воздуху желанна
и рассветной дымке дорога.
Встретились, друг в друге растворились,
как вода весенняя — в воде,
до сих пор мы не наговорились
о сверчке, поющем в лебеде.
Нет тоски, нет расставаний боле,
страха нет, и вдаль ведут следы...
Выпросила ты меня у поля,
выпросил тебя я у звезды.

Уход зимы из русской глубинки

Зима уходит хмуро, по-английски,
перебирая улицы, дома
как ящики с хурмой, как одалиски
своих воспоминаний закрома.

Есть прелесть в расставании навеки
и в расстоянье... Слушают капель,
как капельницу, школы и аптеки,
и ждут врача по имени Апрель.

Ещё округа в простынях больничных,
но отгremели долгие бои.
Жизнь обретает прежнее величье
семейной правды, почвенной любви.

Дымит изба трубою пароходной,
и лёд разбит из пушки золотой,
и врёт Судьба: «Мне в Азию угодно,
к песчаным бурям огненным... Домой!»

Командировка на Землю

Однажды мы выйдем и снова войдём
в тела молодые сквозь нитку льняную,
и станем собою, и вещим дождём
прольёмся на темя, на тьму золотую.
Когда?.. Ожидания сон позади!
Июль пожелтевшей гремит погремушкой,
и снегом обещаны миру дожди,
и сны, как стрекозы, висят над подушкой.

Не будем и думать об этом... Не раз
шагали мы через таможенную разлуку.
И ветер в окошко свой рыжий фугас
бросал, вытирая о зрителей руки.
В просторах зеркал намечалась возня –
её занавешивали боязливо,
чтоб Пушкин, полозьями санок звеня,
не сшиб в огороде растущую сливу.

И Ангелы с лицами, как у медуз,

на стол накрывали, сверкая посудой,
умея создать благодатный союз
юдоли земной и небесного чуда.
И вся говорливая наша родня
спешила к застолью с хорошим подарком:
от Хана Батыя – уздечка коня,
от рода Романовых – радуги арка...

И Пушкин с Дантесом, пройдя 40 бань
и 7 операций по части тщеславья,
в пещерные страсти кидали герань
и пели бесполому небу: «Ай лав ю!»
Вдоль речек, похожих на речки земли,
летали прозрачные мыслеформы,
и верил Фома, и повсюду цвели
фантомы удачи повышенной нормы...

А где-то в провинции, сжав кулачки,
кричали младенцы в родильных покоях:
ещё не забыли, как пели сверчки
про копоть печную и время лихое!
Но Дух разворачивал новый виток,
как ставит геолог в пустыне палатку...
О, если бы грешный поэт только мог
земными словами сказать – и в десятку!

Детство

Сухое лето с полотенцем
и мылом фабрики «Заря»
тропинку протоптало к детству,
поставив дни на якоря.
Томились в ящиках игрушки –
слоны, солдаты, поезда,
и залпом праздничным из пушек
стреляла ранняя звезда.
Из скважин выходили тени –
сеньоры в розовых чулках,
и пели листьями растений
романс о дальних берегах.
И вечер, ужиная с кошкой,
делился сказкою простой,
как превратил луну в картошку
мышонок с синей бородой.

Кредит у сирени

Мой бизнес – лепесток ромашки...

«О солнце, дай и мне займы!
За подписью лесной букашки
со счёта своего сними.
Кредитом вспыхнувшей сирени
порадуй собственника дня
и должником от песнопений
прилюдно объяви меня!»

Так я просил и ясно слышал
в органных трубах летних чаш
тот звук, которым птицы дышат,
которым каждый камень – зрящ.
И приходился доллар долу
печатной краскою в мешках
и числился у балабола –
ночного ветра – в должниках.

Где просторная правда в ковшике влаги живёт...

* * *

О, смородины куст, ты глазами воронежских девок
отворяешь пространство и смотришь с улыбкой на нас!
Нет неправых в саду, по ступенькам народных заповок
поднимается утро в свой пахнувший клевером час.
Уходи с ним и ты: над землёю легко и просторно,
только радуги-дуги, за ними – апостольский сад,
где улыбчивый Пётр набирает по осени воды
родников сокровенных, и их песнопению рад.

Кружит в небе орлица, широкие крылья – Писанье.
Ери, ижицы, яти – придуманный Вечностью код.
Разгадаешь его, и отпустит земное касанье,
и завяжется связь с семизначными небесами,
где просторная правда в ковшике влаги живёт.

Муза

Жених у нашей Музы – майский жук,
и отношения их давно известны.
А ну, клади зелёную вожжу
на грудь своей заплаканной невесты!
Перепояшь алтайскою тайгой
широкое бедро и поясницу,
чтоб снился Музе Чингисхан рябой
и плов узбекский, и московский шницель.
Вредны учёбе мёд и пирожки.
О, Муза! О, прочитанные вести!
Колонны лиц, воздушные прыжки,
чтоб за версту понравиться невесте.
Заговорил хитиновый мотор,
раздулся плащ зелёный по-гусарски,
и строчке не препятствует никто
украсть у Музы облака и сказки.

Звук глубинный, ещё голубиный...

* * *

Звук глубинный, ещё голубиный,
в кулуарах рождающий шёпот,
не похожий ничем на былину,
не упёртый в рутину и опыт,
я сегодня машу «Уралмашем»,
всей Сибирью, лесной и медвежьей,
твоему озорному бесстрашью
видеть Китеж в грязи unpоезжей.
Я сегодня машу твоим птицам,
Аввакуму в огне, как в повозке,
и вхождению солнечной спицы
в изумрудную мякоть берёзки;
твоему первозданному зову,
над Азовом гремевшему пушкой,
присягаю я снова и снова
чернокнижной строкой непослушной.

Зорко глядящих в печные подзорные трубы...

* * *

Тот ли узор вышивают беспечные птицы
в небе, свободном от грустных осенних дождей?
Крестики-нолики, солнца холодные спицы –
вот и рисунок, запомни его на сто дней
зимних, суровых, но вовсе, мой друже, не грубых,
грабли забывших, зато посреди тишины
зорко глядящих в печные подзорные трубы –
спят или бодрствуют те, кому крылья даны?

Ибо распахи-кресты и небес вышиванье,
сальто, круженье души среди зимнего дня
схожи с любовью, а ей не подыщешь название –
крепче вай-фая и ярче ночного огня!
... Зона молчанья. На окнах белеют узоры,
но приглядишься – пульсирует дым из трубы...
Скрипнет душа половицей, снежком у забора...
Крестики-нолики нашей с тобою судьбы.

Лечение гриппа музыкой

Скажу «Непал», ты скажешь «неба пыл»,
скажу «диван», ты скажешь «непогода».
Пусть загоню на свете сто кобыл –
узнаю тайну твоего прихода!
Проверочное «фью, какой чеснок!»
приносит «фьючерс» дому в три окошка.
Я рифмовать бы твои мысли мог
простуженными днями понемножку.

А ты печёшь на кухне калачи
и никакой не ведаешь заботы.
«Фьюить, – скажу, – давай, меня лечи!»
«Фьюить, – ответишь ты, – подай мне ноты».
И скрипка, как коричневый баркас,
плывёт по морю музыки весь вечер,
и Моцарт крепко обнимает нас –
блестит его серебряный анфас...
И грипп-архипелаг уже далече!

В одеждах точных чисел Пифагора

1.

В воскресный день, когда на ветках иней
в отлитых ночью призмах-зеркала
ломал лучи без видимых усилий,
и солнце грело яблони в садах,
мы шли с тобой просёлочной дорогой –
два вырванных из прошлого листа
рукою чьей-то, и деревья строго
на нас с тобой смотрели неспроста.
Как огненные мысли в перестрелке
любви и долга, освещая путь,
по веткам сосен пролетали белки,
ссыпая вниз сиреневую муть.
И музыкой узоров, тонких линий
связуя молчаливый разговор,
встречали нас лесные берегини,
и в памяти встречают до сих пор.

2.

Не этому ль искусству в школах учат,
запутав окончательно дитя:
свою судьбу как шапку нахлобучить
на голову осеннего дождя?
Сквозь ледяную лилию мороза
увидеть, как впервые, зимний день,
где крылышкуют ноты на берёзе
и палочкой в оркестре – светотень.
Невидимый удав лежит на духе,
и всё звучит, не принося ответ,
мелодия крови венозной в ухе,
пока не ощутишь, что ты – поэт.

3.

Ещё до этой жизни ты была
невыразимой нежностью тепла,
венком из одуванчиков, дождём,
надеждой, что куда-нибудь придём
в одеждах точных чисел Пифагора,
и улыбнувшись снегу впереди,
взойдём с тобой на маленькую гору,
сначала поместив её в груди,
а после, излучая постоянство

и веру в то, что существует день,
заполнив ими время и пространство
и мир бескрайний творческих идей,
поднимемся, быть может, чуть повыше –
в сиянье сферы нежности самой,
где виден звук, как лунный серп над крышей,
где ты бываешь мной, а я – тобой,
где станем человечеством когда-то,
увидев в звёздах будущий свой дом
и на могиле павшего солдата
цветущий ландыш – память о былом.

Приходит время...

Дождь на воде оставляет следы –
это идёт Господь.

Обереги меня от слепоты,
от превращенья в плоть.

Если индиго – то синева
в нём поднимать должна
камни большие, как острова,
с мёртвого даже дна.

Птицы кочуют – живую нить
тянут к большой звезде.
Время приходит, быть может, жить
в небе, в земле, в воде.

Чти амфибрахий, бражку и песню ночную...

* * *

Чти амфибрахий, бражку и песню ночную,
ибо они с лютой стужей бороться готовы.
Печку затопишь, сядут с тобой одесную
вымыслы, сказки – жизни минувшей основа.
Сзади, в потёмках, шёпотом, ширканьем-взмахом
чьи-то захлопают крылья в стремленье падучем,
глиняный чан обернётся, глядишь, Мономахом,
станет мораль выдавать вместо бражки шипучей.
А и делов-то, что рифму за жабры да в печку
вне исторических правил отцов и учёных!
Печка гуденьем умна и родит вам овечку –
Хлебникова, Кабана или Лёшу Кручёных.
Тянется час – мулине на коленях девицы...
К Пасхе, считай, будет детишкам обнова!
Птица, что целила в глаз, превращается в спицу,
сказка с хорошим концом на рассвете готова.

Сорока Уитмена

За перелеском особенных ритмов
ждёт голубую сороку Уитмен.
Шапка охотничья набекрень...
Что принесёт народившийся день?
Кожу лица окропили веснушки,
и на цепочке болтается кружка:
ею вино полагается пить,
чтобы оленя в лесу подстрелить!
Но приглядишься – где стать боевая?
Спрятано в зелень цветущего мая
нежное сердце большого поэта...
Любит сорока ритмы балета.

Вот деревянный город – Замульта...

* * *

Вот деревянный город – Замульта,
в нём миллион на милю населенья.
Трёхъярусная свищет высота
щеглом, и шлёт своё благословенье.
Сбегают по тропинке мураши
к реке, а там, за дальним плёсом,
все нормы общежитья хороши
и радостно живётся даже осам.

Заполнен день рабочей суетой:
кто празднует в икринке новоселье,
кто кровь сдаёт, кто дружит с высотой
под оплеуху майского веселья.

И если скуку заключить в кулак
и утвердить мальчишеское зрение,
увидеть можно, как вползает рак –
варяг воды – в твоё стихотворенье.

А пчёлы? А жуки? А червяки,
читающие корни под ногами?
Метро своё протянут до реки
и дружат по ошибке с рыбаками.
А бабочек мерцающий кристалл
у полдня под отеческой рукою?...
Простите все, кого уже назвал!
Простите, кто ещё не назван мною!

Я местом не ошибся: Замульта.
XX век. Компьютерные игры.
Сигают с придорожного листа
кузнечики – пружинистые иглы.
Огромный город праздником живёт,
имеет парк, бассейн, библиотеку,
и ничего, что в нём который год
15 старых изб для человека.

Хочется небо держать у виска...

* * *

Кто-то закрыл тишину на замок,
в топку подбросил поленья.
Около Истины – лёгкий дымок
сплетен, живого сомненья.
Знают поля совещастья ворон,
щели и полосы пашни,
книзу идущей шестёркой борон,
кверху – тоскою вчерашней.

Хочется небо держать у виска –
милое, в птичьих веснушках,
чтоб проступала о небе тоска
даже у спящих подушек.
Хочется музыку услышать
в утреннем скрипе калиток...
Каркает ворон на чёрную гать,
пашне весенней в убыток.

Колыма

На что похожа Колыма,
в осеннем воздухе летая,
как это делает святая?
Ответь, мой друг, себе сама.
Да, это сказка, и зимой
она опять побудет с нами,
чтобы весенними духами
наполнить воздух ледяной.

На что похожа Колыма?
На то, что мы с тобой представим,
на полку книжную поставим,
и пылью нашего ума
не затемним свой день воздушный...
На что похожа Колыма?
Послушай...

Генную память откроют зелёный и жёлтый...

* * *

Краской прицельною духи стреляют по небу –
капли прозрачные в воздух врастают густой.
Явью становится, Пасхой, испёкшимся хлебом
всё, что на листьях писали мы ранней весной.
Генную память откроют зелёный и жёлтый,
синий добавит свежесть поющих ключей –
флаг семицветный, сверкающий общей заботой,
небо раскинуло после гремучих дождей!
Чей гражданин я? Каких измерений скиталец?
Дождь или ведро миру несут облака?..
Солнце садится на мой вопрошающий палец
божьей коровкой, и дума о мире легка.

Генштаба не будет, и выставят Рейх на продажу...

* * *

На кончиках слов загорелись недобрые чувства...
Ну, вот вам и стрелы, а лук поищите в траве,
где века кумир, на коленях ползёт Заратустра
к оленям Сибири, к сермяжной народной молве.
Ему бы на поезде, в мягком вагоне качаться
как в люльке младенцу, и цокать на дам языком,
когда они вносят в купе, не стесняясь, оваций
восторженный плеск, обдающий лицо ветерком!

А цель? А весна? А светящийся шарик удачи?
А мышка, сожравшая в сне кровожадном сову?

Отец его, Фридрих, уже сумасшедший, на даче
себя самоваром представил и льёт на траву.
Не плачь, Заратустра! Зане азиатское лето
знакомит телят с телевиденьем в пору дождей,
да вечером поздним в зеркальных просторах Завета
летает литовка и слышится ржанье коней.

Я сам тебя встречу в траве, под кузнечика скрипку.
Я – хищная птица, я – тень, полюбившая свет!
Ползи, словно ластик, размазав былые ошибки
по русскому полю, смертельному жалу в ответ.
Генштаба не будет, и выставят Рейх на продажу
за цену смешную, я верю – билет на концерт,
и будущий Гитлер этюдник и краски закажет,
напишет Мадонну и выбросит в бак пистолет.

P.s

Книга немецкого философа Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» была настольной книгой Гитлера. Фюрер в своей молодости увлекался живописью, дважды поступал в Академию художеств, но не прошёл по конкурсу. В эти годы Гитлер – вот удивительно! – всячески уклонялся от военной службы. А Фридрих Ницше, написав свою книгу, сошёл с ума, и оставшиеся ему годы провёл в психиатрической больнице.

И солнцем вписано в бумагу...

* * *

Июль и музыка... Запоем,
цветеньем звука у реки
и радугой над чистым полем
богаты летние деньки.

Июнь поёт, июль юлится,
и август, гений топора,
авгуром с розовою птицей
возы считает у двора.

И всё знакомое, родное
по сердцу бродит до зари,
росой омытые бемоли
рождая в нём, как пузыри.

И всё свершается с размаху,
легко, в угоду ливню лет,
и солнцем вписано в бумагу,
и выдано на весь тот свет.

С весенним разливом

Дом отразился у края воды,
ржавою свищет петлёю.
Сом заплывает, оставив труды,
мама – расставшись с землёю.

Эта тревожная в мае река
руслом – в былом и далёком...
Куры клюют у крыльца облака,
ива в раздумье глубоком.

Солнце на миг подожжёт самовар
полузабытым отливом –
чашку заполнит клубящийся пар
с запахом мяты и сливы.

Мама скрипит половицей с утра –
вешает платья сушиться.
«Ты не родился ещё?» – и за ней
плавают в воздухе лица.

Послевоенною мукой полна
чаша отцовской заботы:
ночью строчит по врагу Тишина,
в бой поднимая пехоту!

Словно соломѹ, столетние пни
перегибают вдоль лога
стѣжки-дорожки, чтоб знали они
подступ прямой, как дорога.

Так до обеда, а там гусаки
силою крепкой прищепки
держат в спокойствии русло реки,
пойму – на нужной отметке.

Берег, в кустах затонувший, года
в синих отѣках и лени.
Завтра уйдѣт от забора вода,
станут прозрачными тени.

Новый хозяин таѣжный приют
тронет ключом, понимая:
это скворцы на деревьях поют
песню цветения в мае.

Почной поезд

К прейскуранту припадая
встреч, разлук и новых встреч,
слушаю, как скорый, дальний
в степь растягивает речь.
В нежилой простор весенний,
в полудрёме ветерка
думающий как Есенин
из рязанского мирка.
Гарью дышат ниши мрака
от Самары до Москвы,
в речь пытается собака
поместить конец иглы.
А рассвет настолько точен
в объявлении пропаж,
что звезду угнать не хочет

за мелькнувший в окнах кряж.
«Уу-у!» – рисует поезд
звук растянутый, живой,
и его ночная повесть
пахнет вечностью самой.
И в ночи мелькают лица
милых сердцу городов,
и выглядывают птицы
из забывшихся годов.

Русская речь

В этой утренней речи можно, как в речке, купаться,
где по горло любви – чистотелой и зяблой воды,
где волна надевает парик, ожидая оваций,
и мальки у лягушек щекочат с утра животы.
Невозможный состав, смесь тоски и горячего супа!
Ну, танцуй же на празднике шумном, красавица-речь!
Ломоносов тебя, изучая, рассматривал в лупу,
и Чайковский смычком призывал для потомков беречь.
Закольцован язык – значит, движемся слева направо
или в разные стороны – в сердце печаль сохраню!
Казнены падежи, чернокнижники возят составы
с запятыми и точками, чтобы предать их огню.
Где слова не нужны, проживает по праву солома
и не видно тропы, что ведёт на осенний погост,
где пчела на пригреве звенит благодатью знакомой
и виденья встают над могилами в полный свой рост.
Полно, русская речь, поварихою в доме культуры
печь с утра пироги, вынимая слова из огня,
нагружая алтайской тайгой вавилонские фуры
и валдайским ключом над туманами Темзы звеня!
Ты звучишь озорно, от народа приказ принимая,
к площадям припадая и слушая с жадной тоской,
и течёшь по родной стороне, то ли в Волгу впадая,
то ли в смелом кипении Волгой являясь самой.

Эпифании

Между жанрами и названиями

Иван Бунин, непревзойдённый мастер русского языка, оставил миру пророчество. О том, что проза, развиваясь в веках, станет всё больше походить на поэзию. Не в смысле внешних атрибутов, связанных с ритмом и размером, а в смысле цветения языка.

Принято считать, что проза являет горизонтальную планку развития человека, а поэзия – вертикальную. От скрещивания этих понятий получается символ жизни – крест. И Бунин присягнул этому кресту.

Существует немало названий, характеризующих поэтичность прозаического языка. Орнаментальная проза, ассоциативная, лирическая миниатюра, эссе и многие другие. И среди этих названий не слишком примелькавшееся – эпифания.

Слово это библейское. Ввёл его в литературу Джеймс Джойс, учившийся на священника. Эпифания означает состояние высокой пробуждённости, при которой человек видит в обычном – необычное. Восходит она к благодати, оза-

---

рению, Дзэн. Эпифания – противоположность эпитафии, если сказать о ней коротко.

Возможности эпифании как жанра в полной мере раскрыл латышский поэт Имант Зиедонис, написав книгу поэтической прозы «Эпифании».

Соединить прозу и поэзию нелегко. Проза должна притягиваться к поэзии, составлять с ней единое целое. Японский хайбун, соединивший прозу и поэзию, заканчивается хайкой. Неритмизованная речь, набухая чем-то высшим, становится стихами. Так почка превращается в листок, утверждая зелёное в весенней лазури.

Хайбун заканчивается хайкой с размером 5-7-5, эпифании – коротким стихотворением. И это, увы, надо принять. Сказываются размеры России, снега и снегири. И, конечно же, Пушкин с его ямбами, вот уже 200 лет бомбардирующими наше ДНК, оглушая его балами и вальсами!

Игорь Муханов

Жизнь, полная божественных шёпотов

Положив в изголовье чурбан, оставшийся после зимней топки, созерцаю луну. Веду разговоры с тенью, падающей от столба веранды на траву. И мило улыбаюсь полутени, осознавая, что она совсем ещё девочка. Да и я в этот вечер, полный надежд на будущее, не слишком уж и стар.

Совершая вечернюю медитацию, прислушиваюсь, как капает с листьев вода. Звонко и рассыпчато, как на камни – монеты. Звуки растут по мере углубления в себя. И когда они становятся настолько громкими, что начинают заглушать речь Катунь (реки, протекающей неподалёку), прекращаю медитацию.

Сердце начинает стучать ровно и торжественно, глаза приобретают зрение орла, а уши начинают слышать, какмышь грызёт травинку. Тут-то и начинается жизнь, полная божественных шёпотов...

Пытаюсь припомнить свои чувства на следующее утро.

Сию, пью чай, вызываю из воздуха картины. Называю это занятие запоздалой любовью. Но жизнь, полная божественных шёпотов, не уместается в слова...

Представляю, как подходит к столу мой кумир – Иван Алексеевич Бунин. Он в лёгком парусиновом костюме, держит левую руку за спиной. Заглядывает в мою писанину, читает...

– Вот тут подправь, – указывает Бунин на строку. Я оборачиваюсь, желая заглянуть ему в глаза, но вижу только цветы, растущие на клумбе. Да ещё воробья, скачущего по веранде. Уже раскрывшего свой клюв, чтоб чирикнуть...

Твоя рука притронулась к луне,
в реке плывущей, – значит, и ко мне.
Я помню, что шепнул мне ветерок:
ты – вестница рассвета, мой урок!
Ты пробуждаешь память прошлых лет
о том, что ты – река, и смерти нет.
В твои живые струи загляну,
поймав полночный ветер и луну.

Духи весенних угодий и Поша Весны

Вечер, пахнувший полыньёю. Наполненный оранжевым, каким-то загадочным светом.

Низкие закатные лучи раскатывают по траве тени. Тянут, как электромонтажники, тени в луга, стараясь исправить повреждённую солнцем линию. И принести в каждый дом радость земного существования.

На подоконнике дачного домика сидит Поэт. На нём белая рубашка, застёгнутая на одну пуговицу. Скрестив руки на груди, Поэт наблюдает за отражением на створке окна, открытого наружу.

Блик, скользящий по стеклу, видится Поэту существом, имеющим тесную связь с потусторонним миром. Неким лазутчиком, проникшим в наш мир для того, чтобы добыть нужную тому миру информацию.

Блик принимает облик интересующего его предмета,

например, дерева, растущего за окном, и пляшет на стекле от радости. А затем спешно покидает этот мир, оставляя в душе Поэта, наблюдавшего за ним, самые разные чувства...

Звёзды, уже проступившие на небе, мигают на разные лады. Словно передают на азбуке Морзе сообщение.

Зайчики, блики, сверканье повсюду стекла,
словно из леса несут на руках зеркала
духи весенних угодий, по пояс в снегу...
Я донести эту Ношу Весны помогу.
Как, я не знаю, и вряд ли узнаю о том,
только оставлю на время родительский дом.
Ветер мне друг, и печная задвижка – родня...
Где-то ещё ожидают, возможно, меня.
С верой такою, в воздухе тенью скользя,
я отправляюсь в дорогу... До встречи, друзья!

Некто Прозрачный

Некто Прозрачный, вольный растекаться как вода, все-ляться в любую, удобную ему форму летает над весенним городом с лейкой в руках. И вливает в прохожих, залюбовавшихся клейкими листочками, нектар вдохновения.

Для него облака – цистерны, полные живительных сил, солнце – царство соломенных нитей. Из них Некто Прозрачный плетёт красивые шляпки для женщин, гуляющих по городу со своими малышами.

Всё выглядит так, как обычно. Дети играют в песочнице, мужчины заходят в кафе выпить вино. Но тут появляется учёный, приехавший из города N-ска. Он носит фамилию Клюква, одет в непромокаемый плащ и сапоги, выданные ему на складе Академии Наук. Желая бросить в

сокровищницу знаний изумруд, учёный расставляет капроновые сети по всему городу. И терпеливо ждёт, когда Некто Прозрачный попадётся в его сети, как редкий вид мифологических существ.

Некто Прозрачный замечает проделки учёного и спешит скрыться. Для этого он влетает в зеркальце мальчишки, пускающего солнечные зайчики на школьном дворе, и исчезает за первым, отразившимся в зеркальце, поворотом.

После долгого ожидания учёный Клюква пожимает плечами, складывает сети в спортивную сумку и уезжает с отчётом в Москву. А Некто Прозрачный снова появляется над крышами домов, на этот раз с хлопушкой, стреляющей бабочками и жуками. И продолжает веселить жителей города своими проделками.

Словно глубокий вдох,
тянется птичья нитка –
ею заштопал Бог
утром весенним свитку
и на Россию надел –
синюю, золотую,
с перечнем добрых дел,
с Ангелом одесную.

Проза Басё

Прозу Басё я назвал бы шелестящей, как осенние листья. Открытой миру и простой. Не мешающей думать зимними холодными вечерами. Глядящей приветливо в небо, с его веснушками птиц. А ещё я назвал бы его прозу прозрачной. Немного похожей на дневник, но куда нам деться без него? Обращённой к читателю, как к другу. Предлагающей домыслить течение речи самому. И заканчивающейся стихом, воспевающим чудо поэзии.

Проза Басё – это сама Япония, говорящая о милых сердцу пустяках, цветущая сакурой весною. Осыпающая приезжего дождём из лепестков, дарующая миру благословение. Указующая тайным языком: вот настоящий просветлённый!

Чего только стоит высказывание Басё, что поэт должен

быть слаб, как былинка. Должен быть беден, как осенние поля. И что настоящее богатство поэта – это луна, задумчиво глядящая в воды.

Такого богатства хватит на всех, и даже с излишком. Поскольку луну, отражённую в реке, можно унести в ладони. И её не убудет в реке, совершающей свой путь к Океану. Так устроена жизнь.

Я выверну карманы: «На!..
Нет ничего из пустословья,
когда за окнами луна
кладёт лучи мне в изголовье.

Когда ручьи бегут за мной,
как псы, голодные разлукой,
и пахнет зимняя – зимой
судьбой отпущенная мука.

«Лишь волхованье», – скажешь ты
и будешь прав, мой друг! Весною
мир полон лёгкой красоты
с её прозрачной глубиной.

Эпифания языкам, их приливу и отливу

Языки то приближаются к нам своим совершенством, то снова удаляются в темноту, в которой живут стереотипы. Языки – это море с его приливами и отливами.

Когда языки приближаются к нам, на каждой волне сидит по Поэту. И если ручку, которую держит Поэт, кто-то примет за гаечный ключ, отлитый из силумина, не грустите. Поэты производят настройку языка, делая его гибким и пригодным для понимания тончайших метафизических явлений.

Во время отлива утончённость языка не нужна, поскольку чувства грубеют. Это время благополучия, утилитарного мышления и обилия техники.

Прилив и отлив сменяют друг друга. Таковы законы Вселенной, которым подчинена человеческая жизнь. Сего-

---

дня мы находимся на пути от поэзии к технике. На пути замещения Природы пластиком и бетоном, а романтических отношений – поведением млекопитающихся. И в кипящих низинах девальвации души тонут культура и искусство.

Я говорю плечом и жестом
слова – их маленький народ
куда-то берегом идёт
реки воздушной и отвесной.
Слова – вернее, до-слова,
понятные цветку и лугу
и близкому, быть может, другу,
не замечает голова.
Но сосны старые цветут
и птицы штопают разрывы
осенних туч, и в листьях ивы
прокладывают свой маршрут,
когда слова без слов растут.

Кофейная роза

Зимний лес, увиденный сквозь призму плохого настроения, похож на морское дно.

В тумане, плывущем клочьями мимо, проступают мачты затонувших кораблей. Несутся сквозь рваные паруса синицы, похожие на стайку рыб. И где-то вдали краснеет взрыв, который люди называют солнцем...

Но если вернуться домой, в избушку, где печка, присягая огню, дышит теплом и покоем, можно начать сначала этот день. Замечая вокруг только хорошее, как нам и завещала Природа!

Для этого необходимо сварить кофе и достать из холодильника молоко. И почувствовать пальцами согревавшихся рук: зима с интересом наблюдает за тобою!

В жидкость, принявшую форму небольшой чашки, вливается молоко. Дыхательный клапан перекрыт, щёки

покрываются румянцем. Опускаясь на дно, молоко начинает клубиться, распускать свои белые лепестки...

Кофейная роза существует считанные секунды, но дарит человеку весну. И валенки, уже оттаявшие у печки, снова зовут тебя в лес. Поделиться с ним радостью, а заодно и узнать: не забросал ли кто его самоцветами?

На что похожа Колыма,
в осеннем воздухе летая,
как это делает святая?
Ответь, мой друг, себе сама.
Да, это сказка, и зимой
она опять побудет с нами,
чтобы весенними духами
наполнить воздух ледяной.
На что похожа Колыма?
На то, что мы с тобой представим,
на полку книжную поставим,
и пылью нашего ума
не затемним свой день воздушный...
На что похожа Колыма?
Послушай...

Эпифания комару

– Комар – существо никчёмное, – скажет сторож Управы Дождей, живущий в моём воображении, и будет неправ. Комар – это форма жизни, созданная Элохим – вселенскими генетиками. Над созданием комара трудилась целая научная лаборатория, расположенная в созвездии, которое жителям Земли знать не суждено. Следует думать, из-за их избыточной агрессии.

Комара создавали кропотливо и с любовью. Определили ему лучшую пищу – цветочную пыльцу. Но кто-то из Элохим предложил каплю крови, способную ускорить развитие яиц. Идея выглядела смелой и привлекательной. Проголосовали за неё на учёном Совете и приняли большинством голосов.

Комар, каким его создали Элохим, угоден только суще-

ствам, имеющим чувство сострадания. Ведь отдать каплю своей крови согласится не каждый. Бо'льшая часть населения Земли будет ненавидеть комаров и стараться уничтожить их популяцию. И это нужно принять как должное, ибо совместная жизнь многих организмов требует неукоснительного равновесия.

Отдавая каплю своей крови, я всякий раз люблюсь комарихой. Фетровая спинка, шесть тонких спортивных ног, полосатый животик... Дизайн биологической формы в лучшем его исполнении!

«Боги Земли и Солнечной системы, генные инженеры всех галактических систем, – обращаюсь я всякий раз в своей молитве. – Вы и в самом деле молодцы. Фантазия ваша безгранична, цели гуманны и чисты. Вы творите Вселенную! И я, отдавая каплю своей крови, участвую в вашем творении. На благо всей жизни на Земле, в том числе и комариной».

Летит комар-государь,
в животе у него фонарь.

Его кафтан полосатый
висит в магазине снов
и пахнет сушёной мятой,
поскольку уже не нов.

Кафтан на бал не годится,

зато как поёт, скрипаль:
вода на лавку садится
послушать его печаль!

А после с багровым носом
летит на клумбу, к цветам,
где вина вкушают осы
под птичий весёлый гам.

Эпифания соломенной сандалии, морю и Бодхидхарме

Врут, что Бодхидхарма, следуя из Индии в Китай, переплывал море в соломенной сандалиии, которую он снял со своей ноги, в одиночку. В этой сандалиии сидел и я, и волны качали её, как люльку, много недель!

Бородатый и солёный от пота, Бодхидхарма выглядел мужиком. Он вращал своими глазами как прожекторами, которые ослепляли даже в солнечный день. «Греби скорее вёслами истины!» – кричал Бодхидхарма, и я грёб, насколько хватало сил.

Но однажды Бодхидхарма не выдержал медленного хода своей сандалиии, вылез и побежал до Китая по воде. Ми-

---

риады солнечных зайчиков провожали его в пути. Я же снова взялся за вёсла и поплыл, куда указывала мне старая, проверенная временем карта...

Но где же, спустя 1500 лет плавания, Китай?

Письмо для Бога заготовил,
испачкав милого жука,
и за соломой нищих кровель
открылось небо как река.
И красота проста, как детство,
и не пугает недолёт...
Письмо – распахнутая дверца
в себя, где творчество живёт.

Эпифания прошлой своей жизни, связанной с кавалерией

Если люди в расшитых золотом мундирах войдут в твою комнату и скажут: «Немедленно покинь поле сражения. Из окон – отличный вид на врага, и сейчас сюда завезут мощную пушку», не обращай на них внимания. Продолжай медитировать, привнося в окружающее тебя пространство мощные энергии любви. И вскоре ты увидишь, что картина боевых действий задрожит и изменится. У солдат затуманятся лица, у пушек изогнутся стволы. И плат Богородицы, несущий защиту человеку, опустится на эту Землю...

*Солдаты – твои негармоничные мысли,
пушки – твои негармоничные эмоции,*

военные действия – кармические действия, происходящие в глубинах твоего житейского «я».

Майское утро – тихое, странное...
Где ты, погода, сердцу желанная?

Дождь непрестанно стучит по сараю,
словно кривые ножи самураев.

Конь вороной возле старого дуба
крупом мерцает и грустно, и грубо.

В тёплой избе, по земному закону,
свечи зажгу, помолюсь на икону.

Плащ, до сапог достающий, надену
и на крыльцо – нужно ехать по делу!

Этюг душистого табака

Цветы, чем-то похожие на ангелов, качают своими головками от того, что они увидели в этом мире. Но всё ещё стойкие и упругие, словно накрахмаленные воротнички. Радуют своим видом ребёнка, живущего в каждом человеке – кормят его волшебным молоком.

Утром цветы раскрывают свою душу напоказ. «Летите, любуйтесь нами!» – призывают они бабочек, уже умывшихся росой. Такова сущность цветов, излучающих вместе с ароматом и едва уловимую музыку.

Общаясь с цветами, человек сталкивается с тончайшими явлениями в своей жизни. Они происходят в любви, спонтанно приходящей и возвышающей человека до жизни, которая ещё не наступила.

Ночных насекомых знаток-зазывала –
душистый табак фонтанирует запах,

и формой своей граммофонной, бывало,
в каких ни бывал фантастических лапах!
Ещё медосбор не начался, к обеду
несётся в цветном размахе богиня.
О лето! О бабочки! Тени рассвета
для вас тяжелы, как чугунные гири.
Сгущается воздух в прозрачных растрехах –
заводы коллоидных клеток в порядке!
И ножки танцуют, и чмокают губы,
пыльцу осыпая на влажные грядки.
Я в этот цветник забежал на минуту
и в сон погрузился, прозрачный и лёгкий,
в котором растения славили утро
и сладкие реки цветочного сока!

**Мантра
ВЛЮБЛЁННЫХ**

Стеклянные дожди

Стеклянный дождь над лугом, посмотри:
снуют стрекозы и кромсают воздух –
нарезают стёкла для витрин,
в которых ночью отразятся звёзды.

Стеклянный дождь отличен от дождя,
струны и геометрии Эвклида.
Он в венах ищет, вен не находя,
и одержим грехопаденьем вида.

Сквозь капли снов, букашек и стрекоз
виднеются аттические дали
и Рай, и воздух едет, словно воз,
бесшумно нажимая на педали.

Так далеко видать — во все концы
своей души, когда повсюду лето,
и бабочка с пучком энергий Ци
с утра в живую радугу одета.

Как будто бы связующую нить
с бытописанием, всей его трухою
кузнечик обязался распилить
к заходу солнца зубчатой ногою.

Отечество, стеклянные дожди
и ливни крыльев шумных у колодца!
Как будто всё, что было, — впереди,
и всё, что будет, к нам ещё вернётся.

Сетевая история

Знакомая с наукою
ложиться спать к утру,
ты мыслишь ноутбуково
на ледяном ветру.
И вся округа в инее,
и в дне твоём – хоть плачь! –
прочёркивает линии
электропередач.

Иной корабль выбери
из списка кораблей –
ни убыли, ни прибыли
в Атлантике твоей!
И вся-то жизнь заверчена
таинственным столбом.
Ты тэгами помечена
в пространстве цифровом.

Август

Изобилие августа в складках пространства живёт,
созревает и катится солнечным яблоком в угол.
Ты сферичен, мой август, как дыня, арбуз и живот
у соседки Любаши, ветрам одиноким подруги.
Подросли и каркасы черёмух на локоть длины,
хоть совсем не видны из-за тучек зелёных и тени.
Мне приснилось сегодня, что красные мерить штаны
собираются рощи, как Маркса учение – Ленин.

Прорастает теория в звоне полночных цикад,
в муравьиной возне и в муаровых бликах растений.
Каждый дачник, я думаю, в мыслях берёт Петроград,
собирая грибы на местах отшумевших сражений.
Август густ, как варенье, и в банках стеклянных гудит:
«Переделаем лес! Соберём и в пустыне солому!»
Оттого и поёт загулявший с друзьями пиит
про скрипучую ось, что взялась довезти нас до дома.

Мантра влюблённых

(Я-ТЕ-БЯ-ЛЮБ-ЛЮ)

Эта мантра не знает науки,
что следит в телескоп за луной.
Воскреси её нежные звуки,
под сурдинку любимой напой!
Вопрошают бегущие миги:
«Дайте пробу услышать пера!
Пусть гуляет осеннее лихо
в глубине городского двора
светотенью, улыбкой ребёнка,
муравьём, что скрипит желваком...

С этой жизни снимается плёнка
осторожным движеньем, тайком!
Убегает сподвижник метели,
на худое открывший глаза...
Эта мантра – грачи прилетели,
эта мантра, считай, – стрекоза!
Зазвучала опять... Безразлично,
кто услышит её и зачем!
Эта мантра из времени кличет
ароматы весенних поэм.

Басё в гостях у Маяковского

Японская ваза разбилась о что-то,
когда её в небо подбросил Басё.
Конфеты, хрусталь и японские ноты
посыпались щедро на русское всё.

Я сам это видел – своими глазами
осилил картины немого кино
о том, как идут в облаках с образами
рязанские бабы в простом кимоно!

Японская ваза и русская песня
сошлись на скрещенье воздушных путей,
и хайка украсила русские веси,
и ямб по-японски глядел на гусей.

Захлопали дверью дома и киоски,
узнав в Моссельпроме, что горный хрусталь
Басё покупал не один – с Маяковским,
и вместе потом обмывали скрижаль.

Пусть в разное время рождались поэты
и были их стили, как лёд и вода –
у неба учились полёту кометы
и крику совы – у ночного пруда.

Когда слова без слов растут...

* * *

Я говорю плечом и жестом
слова – их маленький народ
куда-то берегом идёт
реки воздушной и отвесной.
Слова – вернее, до-слова,
понятные цветку и лугу
и близкому, быть может, другу,
не замечает голова.
Но сосны старые цветут
и птицы штопают разрывы
осенних туч, и в листьях ивы
прокладывают свой маршрут,
когда слова без слов растут.

Богатырь в Муромском лесу

В балладе спит, как на кровати,
качаясь на пружине слов.
Поди, в балладе места хватит
для див, волшебников и сов?
Копьё сознание пронзило
мальца, что по весне рождён,
ведь сила – сало, сила – мыло
и из могил заздравный звон!
Вот едет. Муромскому лесу
богатыря держать – не блажь!
В нём столько силы, столько весу,
что в землю просится багаж.
Греми мечом, громи таможни,
клади царей, как штабеля!
Сквозь мыслей гул услышать можно,
как дышит Русская земля.

О, богатырь! Иван да Марья
в тебе сплетаются, любя
весь этот мир, на вид – комарий...
Каток асфальтовый – в тебя!
Прими просадку грунта, сваи,
движение влаги под собой,
как факт неслыханной отваги,
как зов трубы идти на бой!
И вправду – сытая кобыла
уходит в жирный чернозём,
как будто правило забыла:
вниз – умираем, вверх – растём.

Время, как оно видится Поэту

Время течёт зигзагами
мимо судьбы моей,
Гойями и Гонзагами
полня отчёты дней.

Детское это, чистое –
жимолость и вода.
Время течёт чекистами,
зная и «нет», и «да».

Смело, на полной скорости
входит в состав руды,
чтоб зеленели поросли
платою за труды.

Там, на тропе Волошина,
в сердце Пастернака
Время звенит горошиной,
словно Катунь-река.

Утром кладёт на руку мне
сгусток прохладный – тень,
чтобы с живыми звуками
смог обвенчаться день.

Благопожелание поэту

Ты в костюме армейском и с папиросой во рту
мне напомнил сегодня саратовский поезд и Сартра.
Философским штыком невозможно зарезать звезду,
положив на тропинку, ведущую в лучшее завтра.

Ты бурлишь, как вокзал, и скользишь сапогом по стеклу,
забивая пустую бутылку в чужие ворота.
Ты мальчишка ещё, и похож на живую юлу,
что у хмеля в руках набирает с утра обороты.

Подкрути, моё время, фитиль у коптящей луны:
ей гореть в керосиновой тьме ещё много столетий!
Сохрани мне его, постового звенящей струны,
что щекою – в салат, а душою – в фельдмаршалы метит.

Погулка по Царскому Селу в пору снегопада

Рестораны серебра
собрала зима в охапку
и добычу – в неба шапку,
и по лисьи – со двора.
Оттого и снег идёт,
небом полнятся копилки,
и серебряные вилки
всякий нищий соберёт.
У зимы в руках – зима,
отражённая на блюде.
Не спеши сойти с ума
за рекою, на безлюдье.
Снег идёт, и серебром
августейший воздух ярок.
Это зимнее добро –
от Романовых подарок!

Рассказ чеченского спортсмена

Летят курсивом бегуны.
У солнца левый край отколот.
Сверкают флаги всей страны
на стадионе «Красный Молот»*.
Быки на ферме подождут,
жуки и рыбы – в отпуска!
Луну подкрутят там и тут,
чтоб свет продлить на полчаса!
Летят, как стрелы, бегуны.
Чей разбежавшийся живот
под ликование всей страны
тугую ленту разорвёт?
Один бегун легендой стал:
перегружая мышцы тела,
вошёл во временно'й портал,
в далёком будущем твердея.
Нет, он не выиграл забег!

Зато потом, за рюмкой водки,
болтал, кусая чебурек,
несуществующую сводку.
Мол, видел эти же места –
Аргун и Грозный – в новом виде,
гранатомётами с моста
твердившие своё, в обиде:
«Чечня – страна. Её не трожь!
Чечня живёт другой идеей.
И пулю в лоб, и в сердце – нож
и русскому, и иудею!»
И вся страна была больной:
температурила, рыдала,
и за разрушенной стеной
чернел остаток пьедестала.
Никто доверчивым не стал.
«Ты балаган, бегун, затеял!»
И в ухо – раз, и в брюхо – два
за комсомольскую идею!
И пальцем тыкали в Луну,
как в обезумевшего зверя,
и пили водку за страну,
в рассказ и веря, и не веря.

*Располагался в городе Грозный. Ныне не существует

Незнакомый прохожий

Ладонь и спичка – внутренность лимона
передо мной сияет в темноте.

Ты закурил? Ну, ладно. До балкона
я провожу тебя в недоброте.

В разладе провожу, а там уж сам ты
себя веди, чтоб тёмный ветер – в дых.

Как провожал когда-то смертный Данте
Вергилия к заботе о других.

Лесная история

Лошадь длинная, как река –
есть ли в самом деле такая? –
повернула свои бока
в направлении Первомая
и легко проникла в весну –
словно нитку в иглу продела!
Спит черёмуха, на весу
укачав цветущее тело.
Майский жук – мотор тишины,
заведённый рукой удачи –
молча слушает речь весны,
наблюдая украдкой клячу.
Светляки летают в ветвях,
помогая луне и звёздам

освещать лошадиный пах
и живые вулканы – ноздри.
Гой ты, лошадь, родная Русь,
в твоём теле ночная сила
девяти дородных Марусь
о лихом коне загрустила!
Кем в лесу была – не понять,
только вышла к утру живая,
кобылицей пытаюсь стать
и хвостом на ветру играя.
Я за ней едва волокусь,
о сухом размышляя хлебе.
Может, скоро и я женюсь
на знакомой радуге в небе.

Яблоня Иова

О сад грозы, огнём палящий,
в тебе и жутко, и светло!
Ты помещён в воздушный ящик
и хрупок телом, как стекло.
Ты испытанье жизнелюба:
твоя электрика искрит,
перемещая в тело дуба
взрывной, опасный динамит.
Иной материи жилище,
ты языком огня поёшь
и горний свет, и пепелище,
и в теле – чувственную дрожь.
И только глянец фотографий
тебя украсит, отделив
от миллионов эпитафий
и красоты прибрежных ив.
О сад, ты – яблоня Иова,
с которой птицы и жуки
поют рождественское слово
набору правил вопреки!

Зимой молитва строже, чище...

* * *

Зимой гудят большие реки
тибетской чашей там и тут,
и понимают человеки,
какие их события ждут.
Зимой молитва строже, чище –
летит веснянкой, на ходу
примерив в тучах платье нищей,
и в звёздах – смерти простоту.
И забывает твердь земную,
живя от Бога одесную,
ночуя в глубине зеркал,
как ласточка – в уступах скал.

Эпифания пруду и его тайнам

Заросший пруд... Ему нет места
среди обыденных вещей.
В нём лягвы плавают – невесты
подросших к осени лещей.
Его вода ещё стыдится
из родника любви напиться
и лёгким облаком ресниц
смахнуть поющих утро птиц.
Сухое лето мечет кости
в тот пруд, мечтая о погосте,
и конь, как только дождь пройдёт,
своё лицо из лужи пьёт.
О пруд, ты лодкою раздвоен
и грезишь о морском прибое,

и лижешь туфель бахрому
назло практичному уму!
Ужель ты зеркало простое,
хотя бы даже золотое,
и устаревший ноутбук,
случайно выпавший из рук?
Нет, так не скажешь камышами
и карасями, и дождями,
и ты прекрасен, лёгкий пруд,
в тени задумчивых запруд.
Твоё желанье молодое
мычит коровою в обед,
как будто кто-то небо доит,
и в медный таз стекает свет.

Альфа и Бета, любовь и война...

* * *

Альфа-любовь и Бета-война
ходят в обнимку по улочкам Риги,
в сумку кладут неучтённые миги,
чуть покрупнее – уже времена!
Что им стеклянный на третьем балкон,
где под Шульженко кружатся девчонки?
Время их тянется синей филёнкой,
филькиной грамотой в бездну времён!

Пулю найдут ли в газонной траве,
ржавый фугас раскопают на грядке –
долго играют, безумные, в прятки
с тенью события в голове!

«22 июня... На старт! –
произнесёт патетически Бета.
Альфа заплачет: «Я не одета
в мысли убитых под Минском солдат!»

Альфа и Бета, любовь и война...

Лето гранитные книги читает.
Рига на ригах и скирдах считает,
сколько убитых примет Луна.
Сядут у речки две грустных сестры,
возле берёзы, кривой и патлатой...

– *Помнишь, меня ты убила когда-то?*
– *Не разводи в моём сердце костры!*

Московские картинки

Вечер. Душистый табак испускает из трубок
дух Москворечья, влюблённости нежной отраву.
Ты положила, Москва, на зубок жизнелюбу
чудо-соломинку: пой и играй на забаву!
Звуки летят по Ордынке, Тверской и Арбату,
встречную душу пронзая незримо и нежно.
Синий отёк Патриарших прудов на закате
лечит примочкою облако в тине прибрежной.
И рассыпается дрожью по листьям герани
речь ямщика, ожидая прямого ответа:
«В этом году я тобою, Евгения, ранен,
в прошлом году у Глафиры нарвался на это».

Летний полдень

О летний полдень, ты – струна,
протянутая в Бесконечность,
поющая саму беспечность,
неотделимую от сна.

Твои длинноты на века,
в янтарной дымке тонут дали.
Лес не познал ещё сандалий
и олимпийские бега.

Не знает воздух шум машин,
трава высокая – окурки,
и нежно гусеницы шкурка
щекочет солнца мандарин.

Сквозь комариное стекло
едва просвечивает лето,
и в дождик ласковый одето
его полынное тепло.

Кукушка

Какая живая лучистая зелень
из чащи лесной, тишины
выходит навстречу и долго глазеет
на наши футболки, штаны!

(И что мы с тобой не надели лужайку,
где много растёт васильков,
где скачет кузнечик: «А ну, поиграй-ка
со мной в пересчёт облаков»?)

Лучистая зелень ползёт по одежде
счастливой игрою теней
и нас превращает с тобою, как прежде,
в весёлых и дружных детей.

А ну-ка, предстань предо мной Клеопатрой,
которая в среду, до двух
сидела за маленькой сгорбленной партой,
читая Есенина вслух!

И позже в тоске, одеяло набросив,
срывалась фальцетом на лес,
когда мы узнали простор его просек,
когда он в объятья к нам лез!

Мы были в плену у дождей и черёмух
с тобою не век и не два.
Не нами, а жизнью придуманный Олух
забыл эти жесты, слова.

Выходит к нам зелень, ещё молодая,
несёт на сучке чепуху,
и вспять, может стать, кукушка считает:
– Ку-ку!.. Ку-ку!..

Луна в посёлке Зеркальный

В посёлке Зеркальный луна отдыхает на дне
речного затона, средь рыбьего зыбкого сна,
и смотрит на избу, гулянку ночную извне,
сквозь охру воды, любопытством кухарки полна.

Три лодки уплыли за мыс, оставляя усы
на тёмной воде, а их тени – на жабрах линей.
Каркасы черёмух похожи на тонкие сны:
из мира иного глядят на причуды людей.

В мелькании крыльев, в сиянии крапчатой тьмы
нарезы видны, как в охотничьих длинных стволах,
а лампу засветишь – нисходит печаль на умы,
хоть с вечера мучит гармошку лихой вертопрах.

Коллоидный воздух на гору и рощу надет,
как звёздный колпак, согревая ночные труды.
И всюду, как свечи, горят уже тысячу лет
берёзы и сосны... Их видит луна из воды.

Устал гармонист и к мосткам деревянным идёт,
пуская дымок папирсой, а после, во след
атлантикой веет и жабьей икрою несёт,
и жёлтая струйка рождает нехитрый сонет.

В посёлке Зеркальный я сторожем зеркала был,
а в лучшие дни – и с другими мирами связным.
Светает там поздно... Со дна, завершая труды,
всплывает луна молодая и тает, как дым.

Цегругу

Ты хотел меня убить? –
Что ж, валяй!
По Катуні будет плыть
головня.

Ки'лу наставлял не раз
и – никак?
Но за мною – звёздный Спас,
Русь, века.

За тебя я помолюсь –
ты мне брат.
На тебя смотрю, ты – Русь...
Синий взгляд!

Узнаю в тебе черты
давних лет:
дыбы, игрища, костры...
Смерти – нет!

Ты хотел меня убить
за Восток?..
На том свете заходи
на чаёк!

В монастырь проводят интернет...

* * *

Пробуждая спящую Сибирь,
по указу ангелов московских
интернет проводят в монастырь,
расширяют старые парковки.
– Из каких ты, батя, будешь мест?
– Я из Воронцовки.
– Нет, не знаю!
И блестит на крыше новый крест –
со ступенькой лестница резная.

Этим летом в поле колосок
так легко касается лазури,

что смеётся утренний восток,
забывая огненные бури.
Сёла отдыхают на пару,
мальвой по штакетнику рисуя
бабочек весёлых, и в игру
просится пугливая косуля.

Этим летом жизни благодать
просто так даётся, без разбора.
Тишина не хочет умирать
даже в карбюраторе мотора.
И встаёт к утру Фаворский свет
на холме, где тетерев токует...
В монастырь проводят интернет —
скорость обещают, и какую!

Отрежу тени, метра три-четыре...

* * *

Отрежу тени, метра три-четыре,
с окраскою вечерней бересклета.
Её примерю – можно и пошире
сыскать душе на платье этим летом!

Душа заплачет, если на заплату
другую наложить и не заметить,
как лето зажигает в аппарате –
даосском фонаре – фитиль бессмертья.

Она молчит, увиденным разбита.
Горит сомнений лёгкая солома...
Возможно ли?.. Спроси у неопита,
кому изнанка фонаря знакома!

Уходили бойцы всенародного фронта искусства...

* * *

За границу земного, за строгий логический смысл
уходили бойцы всенародного фронта искусства.
Жеребята кричали — у мамок кончался кумыс,
а трава молодая была недоступна их чувству.

Уходили бойцы, им вдогонку врала простыня,
уверяя: «Я — парус... Я — пара морскому простору!»
В полутемных подвалах бокал поднимали, звеня,
за народное счастье и музыку сфер Пифагора.

Я бы тоже ушёл вместе с ними — от неба ключи
мне хотелось найти и заплакать от счастья, как дети,
да в спецчасти сказали: от голода строчка урчит,
и дворцы вдохновенья у пушек давно на примете.

За кудряшками облака — смех и живая возня...
«Как проник ты сюда, за решетку земного мышленья?»
И лимонная бабочка круп украшает коня,
и в полнеба сияние — радуга стихотворенья!

Гвозди

В глубину кедровых досок
проникают гости –
нюхают колючим носом
древесину гвозди!
Беззаботная орава
влезла и затихла.
Толстый – слева, тонкий – справа...
Тьма, неразбериха!

Отряхнув собачью шапку,
мужичок ледащий
стружки жёлтые в охапку
сгрёб и бросил в ящик.
И чахоточною грудью
выдохнул соседу:
– Хоронить назавтра будем,
приходи к обеду!»

Сон охотничьей собаки

Собака спит и видит хвост,
он – небоскрёб для блох!
Недостаёт слегка до звёзд,
но всё-таки – неплох.
Канат охотничьего дня
блестит в ночной росе.
Во сне он кружится, звеня,
как белка в колесе!
Вот зашуршали камыши,
до селезня – прыжок...
И страсть печёнку тормозит
ступнями рыжих ног.
Живой пернатый гардероб
мелькнул в зубах на миг,
и скатан туго небоскрёб,
как в доме – половик.

Парад дождей

Стою с утра как на параде.
Колонны юного дождя
проходят строем как солдаты,
чугунной поступью гудя.

Одна колонна боевая,
сменяя прежнюю, поёт:
«Нас не разденет, раздевая,
рука заржавленных болот!»

И травы в тёмном перелеске,
и в дальнем поле колоски
согнулись в юношеском блеске,
таская капли как мешки.

Парады небывалой силы
венчают долгий ход войны.
В чулане запертые вилы
скучают, в сено влюблены.

Бои повсюду этим летом
крушат и гонят сухостой,
и дружба видится поэту
ботвы с картошкой молодой.

Царисуй, Хокусай, херувима российских распутий...

* * *

Разве знал Хокусай, что ему заминируют губы,
вычтут цену билета на спутник, летящий к луне,
и в провинции русской весёлая девушка Люба
обвинит его в магии, корни которой – в вине?
Люба – друг ФСБ, украшение закрытого сайта.
Хокусай ей знаком с Костромы, по журнальной статье.
Он домашним вином разбавлял свои краски, и сальто
на картине волна совершала в святой простоте.
Кувыркалась волна как гимнаст на открытом манеже,
то ко дну приникая, то снова летя к облакам,
но костюмы в полоску носили всё реже и реже,
и волну Хокусая прибрать не успели к рукам.

Пили краску картины, как русский мужик-каторжанин,
что послушную жизнь променял на сибирский рудник,
и в глазах Хокусая далёкие звёзды мерцали,
и вода из картины на старый лилась половик.
Что-то вспомнил тебя я сегодня, мой брат по искусству,
когда час протрезвонил: «Пора в ледяную кровать!»
Помню, в детстве читали мы «Так говорил Заратустра»
и бежали в леса, чтобы было, о чём вспоминать.
Этот мир – тот же лес, обнесённый колючей железкой,
с пылесосом у входа и с бубном шамана в кустах,
где на ветке сухой всенародный сидит Достоевский,
ну, а Гоголь смешит, наступая на собственный прах.

Нарисуй, Хокусай, херувима российских распутий
с Алконоста улыбкой и зорким фаюмским зрачком,
чтобы вишни цвели и беседовал с ангелом Путин,
и поля Украины добрели пшеничным зерном.
По ту сторону зла, где волна откровеньем богата,
и летит полукругом, и в берег стучится крутой,
ходит девушка Люба, всё ищет пропавшего брата –
Хокусая-бродягу с разбитой агентом губой.
Нарисуй и её, но игривой таёжной косулей –
той, которой не стала, но очень хотелось бы ей...
Есть дорога к себе и старинное слово «рисую»...
Остальное – у Бога – в пучине мятежных морей.

Первая любовь

Из витрины на раннее утро
синеглазый глядит манекен.
Не угадана эта минута
ни тобою, ни мною – никем.
Пронесутся автомобили
мимо шёпотов тополей.
Первый пух ещё не ловили
сети ласковые дождей.

Отдаёт тишиной минута,
свежим лаком старинных парт.
И как будто у института
тормозит с улыбкою Март.
«Подвезу. Садитесь. Куда вам?»

«Ну, конечно, на небеса!»
«Хорошо... Вы сегодня правы:
светлой радости – за глаза!»...

Как ты узок, земной фарватер, –
уже солнца и радуг-дуг,
твои парты не знают Спарты,
твои хорды хранят недуг!
Наша встреча была, как вече:
била медь ледяной набат,
и в дрожании твоей речи
скорый поезд был виноват.

Шёл, у века посередине,
к новой станции вдалеке,
и стучали зубами льдины
на таёжной большой реке.
Полыхала солома в поле
под вороний зловещий гам,
и сиял, отзываясь болью,
недостроенный в небе храм.

Тени в сентябре и попытка общения с ними

Тени лежат прозрачно
лентами на траве.
Видят тебя и дачу,
хлебницу на столе.
Возле стены кирпичной,
где комариный рой
завтракает обычно,
контур рисуют твой.
А подойдёшь поближе,
тени сбегутся в круг,
губы тебе оближут,
скажут с улыбкой: «Друг!...»

Утром живою строчкой
тени я покормлю,
чтобы с любимой дочкой
ехать по сентябрю.
Из родника напиться,
синих стрекоз считать...
Тени имеют лица,
тени умеют ждать!

Сон художника

Художник просится домой,
в еловый сон, где много шишек,
где тень гремучею змеёй
ползёт в траве и сладко дышит.
В том сне неправильность живёт,
отсутствуют законы чисел,
и костромская буква «о»
хранит лекала коромысел.
Туда заброшен как десант,
художник жмурится от света.
Там напряжённая оса
в живую радугу одета.
Освобождён от мишуры
и добывания копейки,
он создавать пришёл миры
из шелеста садовой лейки.
Вы скажете: «Сюрреализм
и щебетанье за рекою!»
Но очищает организм
и дарит зеркало покоя.

Таксомоторная пчела

Берёзы кольца годовые
желтеют, как труба в трубе,
и жилы спят – городовые,
и сон их долгий – вещь в себе.

Но лишь весна коровьим ляпом
ударит в бубен – звонкий лёд,
в них просыпается Шаляпин
и соком арии поёт.

Горизонтальные соседки –
зелёным дымом курят ветки,
и золотою колбасой
висят серёжки над росой.

– Весна! – мужик тверёзый скажет
и голос в воздухе размажет,
и пролетит вокруг чела
таксомоторная пчела.

Она не узнает, быть может,
Голгофу, Цугу...

* * *

Когда я восьмёрку пишу, вспоминаю тебя,
январь, бесконечность и звёзды над нашею крышей.
Космический Ус шевелится, и голос услышан
с шершавой поверхности талого снега – дождя.
Не всё нам с тобою средь голых ветвей танцевать.
Оденутся в платья деревья у нашего дома
и выйдут с хоругвями славить сухую солому,
и слякоть захочет у сливы учиться мечтать.

А слива – в дыму, в аурических кольцах любви,
и в солнечной нашей системе причислена к чуду.
Она не узнает, быть может, Голгофу, Иуду –
уйдёт на планету, где ночью поют соловьи.
И слякоть предстанет иной ипостасью для нас,
для солнца и ветра – слугою дорожной разлуки,
и ночью припомнит душистые нежные звуки,
и вспыхнет звездою затянутый плёнкою глаз.

Крепки твои, Господи, коды...

* * *

В лесной колокольчик звони, и откроются взмахи
капризных лимонниц над волнами зрелой травы,
а если вороны предложат к обмену папаху –
колючие гнёзда свои – не теряй головы:
меняй на стихи, на улыбку, на ясность во взоре
продукцию леса, вороний скопившийся нал.
В такой вот папаше – добротном Кавказа уборе –
тебя бы и Пушкин, и Важа Пшавела узнал!

Ползёт муравей – оператор насосной системы,
качающей воду в реактор с названием «листок»,
и ветер листает страницы воздушной поэмы,
написанной радугой – семь ослепительных строк,
семь смыслов неясных... Крепки твои, Господи, коды!
Но верую в чудо: наитье направит туда,
где майский разлив оживляет застойные воды,
где птичий полёт над репризой земного труда.

Видение

Моя матушка под вечер
томик Пушкина читала.
Доносились разговоры
из бумажного портала.
Поезд шёл в Калугу, скорый.
Промелькнул забор кирпичный...
Из времён минувших Пушкин
видел матушку отлично.
И читал её как повесть,
запивая крепким чаем.
Светотени танцевали,
из кустов птенцы кричали.
Уж прочёл до середины,
заскрипел плетёным креслом...
— Вам письмо, — сказал посыльный.
И видение исчезло.

Понимая миры, как букварь для влюблённых...

* * *

Понимая миры, как букварь для влюблённых,
принимая за клавиши метки берёз,
мы идём с тобой в новую речь удивлённо,
и ни фени, ни сленги не ценим всерьёз.

«А какой она будет?» – ты спросишь руками.
Я отвечу глазами: «Как сажа, бела!»
И молчанье подскажет: «Касайтесь ногами
той дороги, где много разбито стекла».

Продолжаем идти, несмотря на убытки
в холодильнике – масла, на небе – дождей,
обгоняя в пути золотые улитки
убежавших из дома скрипичных ключей.

Насмотревшись на радугу в поднебесье,
где, используя силу паденья ума,
большеглазые ангелы катятся с песней,
словно дети, когда наступает зима.

Лермонтов

Светло под камнем с пулею в груди
лежать и видеть жизнь в её полёте.
Как будто белый парус впереди
колышется в весеннем провороте!

И Лермонтовым пахнут острова
у горной речки, засучившей смело
по дельту ледяные рукава,
в которые втекают каравеллы.

Я понимаю: у волны речной
и у волны морской без передышки
идут суды, и пахнет соль луной,
и жабры рыб топорщатся, как крышки.

Но Лермонтова лунная пыльца,
окрасившая русское столетье,
смущает парус Зимнего дворца,
уплывшего на поиски бессмертья.

Не жди подачки от сырой земли,
когда опять зачинщиком событий
в нас Лермонтов семёрки на нули
под сводами меняет общежитий.

Он – ось национальной кутерьмы,
и он же – звездочёт в льняной рубахе,
приговоренец двусторонней тьмы,
достигший просветления на плахе!

Скажешь, что луг – офтальмолог,
и выйдет в десятку...

* * *

Линзы вокруг, испуская весёлые блики,
лист оседлали, и сила зелёной пружины
им на забаву... Блаженны очки на клубнике:
в оптике ягода – бледным губам именины!

Каждой былинкой, каждой случайной лозою
луг поклянется: линзу свою водяную,
ладно дружившую с ветром, с далёкой звездой,
в бартер включить, на реальность меняя иную.

В небе ни облака, даль подливает румяна
в рюмку тюльпана, желая сказать насекомым:
«Дома ли, в офисе – даже кузнечiku пьяным
быть я желаю в отчизне, больной глаукомой!»

Скажешь, что луг – офтальмолог, и выйдет в десятку.
Если и детство припомнишь в лугах под Самарой –
сталью холодною чистит глазную сетчатку,
смотрит в тебя миллионом диоптрий суммарных.

Твой ли хрусталик огнём загорелся, рожденье
чуя в отчизне, где бабочка – лет проводница –
утро прочесть предлагает как стихотворенье,
крылья свои раскрывая на новой странице?

Праздник Врачующей Речи

О ритм – игровая площадка и горка,
с которой катаются буквы как дети!
И звери, и птицы братаются соком
на празднике шумном Врачующей Речи.

Вон «к» озорное катает всё утро
пузатую «о» в одноместной коляске,
и «р» в сапоги офицера обуто,
и смотрит на всё, что вокруг, по-гусарски!

Всё в ритме несётся под лета сурдинку,

под строгие иглы столбов телеграфных
туда, где вчерашний мальчишка-заика
стоит величавей заправского графа.

Катаются буквы. За пазухой ритма
всё утро ранимое бьётся сердечко.
Искусство? – Скорее, хоккейная бита,
и гогот галёрки, и счастье, конечно!